

Счетовод Линь сказал:

— Где вы слышали этот стих, молодой хозяин? Нельзя декламировать его наобум. «Ласточки у палат былых Ван и Се ныне влетают в дома простых людей...» Ладно еще семья Се, они действительно пришли в упадок и лишились бывшего величия. Но Клан Ван из Ланъя — это могущественный и знатный род, благородная семья, живущая в роскоши и почете! Если кто-то услышит, как вы за их спинами пророчите упадок кланам Ван и Се, быть большой беде!

— ...Что?

— Молодой хозяин, прошу вас, больше не читайте этих строк.

Тан Шэнь поспешно закивал:

— Хорошо-хорошо, больше не буду.

Надо же, выходит, в этом мире кланы Ван и Се еще не разорились!

Они гуляли всего около двух часов, когда на небе взошел серебряный диск луны и окончательно стемнело. Тан Шэнь уже собирался подыскать место для отдыха, но счетовод Линь немного помялся и сказал:

— Отсюда совсем близко до реки Циньхуай.

Тан Шэнь опешил:

— А?

— Молодой хозяин... вы ведь специально приехали в Цзиньлин, чтобы взглянуть на местную достопримечательность — певиц с реки Циньхуай?

Тан Шэнь на мгновение растерялся, и лишь спустя время до него дошло, кого тот имеет в виду под певицами.

Неужели он выглядит настолько похотливым?!

Тан Шэнь кашлянул и напомнил:

— Счетовод Линь, мне в этом году исполнилось всего четырнадцать.

— Помнится, когда мне было четырнадцать, я уже обручился со своей покойной супругой.

— ...

Разговор явно зашел в тупик!

Разумеется, Тан Шэнь и не думал отправляться на реку Циньхуай. На самом деле он прибыл в Цзиньлин для изучения рынка. Ему нужно было оценить уровень жизни местных жителей и узнать, какие купцы ведут здесь дела. Кроме того, на следующий день он планировал заглянуть в Павильон Цзиньсю. Управа Цзиньлин действительно процветала, однако для успешных продаж эфирного масла и туалетного мыла одних лишь денег у покупателей было мало.

Тан Шэнь намеревался прийти в Павильон Цзиньсю, чтобы помочь старшему управляющему Фан разработать оформление лавки для продажи эфирного масла и туалетного мыла — точно

так же, как он сделал это в управе Гусу.

И все же, раз уж они оказались здесь...

Тан Шэнь предложил:

— Может, сходим взглянуть?

— Идемте, — согласился счетовод Линь с таким видом, будто с самого начала знал, что тот согласится.

Тан Шэнь лишился слов.

Не поздно ли еще повернуть назад?

Ду Му когда-то написал семисловное четверостишие:

«Дым окутал холодную воду, луна окутала песок,

Ночью причалил у Циньхуай, близ питейного дома.

Певицы не знают горечи гибели царства,

Через реку все еще поют "Цветы на заднем дворе"».

В Великой Сун царили мир и процветание, поэтому певицы, конечно же, пели не о гибели государства, а слагали песни во славу мирных времен. В ночной тишине по реке Циньхуай плавно покачивались на волнах прогулочные лодки-хуафан. Повсюду дрожали огни фонарей, раздавался мерный всплеск весел. Тан Шэнь не стал подниматься ни на один из бортов. Он просто шел вдоль берега, издали любясь этой картиной расцвета и благополучия.

Звуки пипы и циня в руках искусных музыкантш сливались с тихим плеском вод реки Циньхуай.

Тан Шэнь вдруг негромко произнес:

— «Дым окутал холодную воду, луна окутала песок»... Да, таков он, Цзиньлин!

Счетовод Линь лишь недоуменно посмотрел на него, не понимая, к чему это было сказано.

На следующий день Тан Шэнь отправился в Павильон Цзиньсю. Старший управляющий Фан уже знал о его приезде и встречал гостя у дверей. Когда Тан Шэнь в общих чертах описал свою задумку по оформлению лавки, старший управляющий Фан застыл на месте и растерянно повторил:

— «Дым окутал холодную воду... луна окутала песок»?

— Именно так.

— Это сочинили вы, молодой господин Тан?

— Нет, я услышал это от другого человека.

— Какая великолепная строка, она достойна остаться в веках! Господин Тан, будьте спокойны.

Как вы и сказали, я велю подготовить воду и белый песок, чтобы переоформить мой Павильон Цзиньсю по вашему замыслу. «Дым окутал холодную воду, луна окутала песок»... Лишь по одной этой строчке я берусь утверждать, что наше эфирное масло пойдет в управе Цзиньлин нарасхват.

Спустя полмесяца хозяйственное мыло, туалетное мыло и эфирное масло поступили в продажу в управе Цзиньлин.

На этот раз Павильон Цзиньсю не стал, подобно Павильону Чжэньбао, придерживать простое мыло и прятать его от покупателей. Поскольку управа Цзиньлин находилась близко к управе Гусу, здешние жители уже давно прослышали о мыле, а некоторые даже привозили его оттуда. Павильон Цзиньсю выставил на прилавки все три товара одновременно. К тому же семья Чжэн, задействовав свои связи, раздобыла каллиграфическую надпись, сделанную кем-то из Клана Ван из Ланъя, и вывесила ее в лавке.

«Дым окутал холодную воду, луна окутала песок»

Подпись: Ван Цзыфэн.

Когда старший управляющий Фан держал в руках этот свиток, он не смог сдержать изумления:

— Хозяин, как вам удалось получить надпись самого Ван Цюаня!

Хозяин Павильона Цзиньсю, нынешний глава семьи Чжэн по имени Чжэн Хао, и сам недоумевал:

— Изначально я хотел лишь попросить о надписи второго молодого господина Вана. Учитывая отношения между нашей семьей Чжэн и их кланом Ван, это не должно было составить труда. Но как раз в это время старший молодой господин Ван вернулся домой навестить родных. Не знаю, как эта строчка дошла до его ушей, но он назвал ее превосходной и перед возвращением в Шэнцзин написал эти семь иероглифов, передав их второму молодому господину.

Старший управляющий Фан воскликнул:

— Чудесно, просто чудесно! Хозяин, пусть у нас нет свитка «Хуанцзиньлюй» с автографом Великого ученого Ляна, зато у нас есть каллиграфия Ван Цюаня! Здесь, в Цзиньлине, она сослужит куда лучшую службу, чем имя Великого ученого Ляна!

«Да что там в управе Цзиньлин, — подумал про себя старший управляющий Фан, — повесь мы эту надпись в самом Шэнцзине, она и там стала бы лучшей вывеской!»

Тан Шэнь, разумеется, обо всем этом не догадывался. Он отвечал лишь за оформление лавки и никак не ожидал, что старший управляющий Фан проявит такую деловую хватку. Тот оказался на редкость проницательным торговцем и перенял его же прием с привлечением авторитетного имени, который Тан Шэнь использовал в Павильоне Чжэньбао с надписью Лян Суна. Более того, результат у Фана вышел даже лучше.

Вернувшись в управу Гусу, Тан Шэнь обнаружил, что до академического экзамена осталось чуть больше месяца. Тан Шэнь с головой ушел в учебу.

В последующие эпохи люди часто говорили об «успешной сдаче экзаменов и внесении имен в золотые списки». Большинство знало о званиях чжуаньюаня, баньяня и таньхуа, но плохо представляло себе суть таких низших ступеней, как цзюйжэнь или сюцай, и не догадывалось,

насколько сложен трехэтапный начальный экзамен. Первым этапом начального экзамена был уездный экзамен, после сдачи которого соискатель становился туншэном. Вторым этапом шел окружной экзамен, и лишь преодолев его, можно было получить звание сюцай.

Однако это вовсе не означало, что каждый сюцай получал право бороться за звание цзюйжэня. В Академии экзаменов Цзяннань было не так уж много экзаменационных келий, и если бы туда допускали всех желающих, они бы попросту не поместились. Чтобы получить допуск к провинциальному экзамену и побороться за звание цзюйжэня, большинству сюцаев (за исключением тех, кто шел особыми путями) требовалось сдать академический экзамен.

Тан Шэнь по-прежнему каждый день писал по два сочинения-багу и одному стихотворению для экзамена. Если Лян Сун находился в управе Гусу, Тан Шэнь ежедневно относил свои работы на проверку господину Ляну. Если же учителя не было в городе, он бережно складывал их и ждал его возвращения.

Так незаметно подкрался день накануне академического экзамена. Поскольку на следующее утро предстояло встать ни свет ни заря, Тан Шэнь лег спать еще до наступления часа петуха. В три четверти часа собаки в ворота постучали. Разбуженный стуком Яо Сань пошел открывать. На пороге стоял запыленный путник. На нем был просторный плащ с капюшоном, скрывающим лицо.

— Здесь ли живет Тан Шэнь? — негромко спросил незнакомец.

Яо Сань насторожился:

— Здесь. А вы кто такой?

Тан Шэнь тоже проснулся от шума. Накинув халат, он вышел во двор.

Пришедший ответил:

— Меня зовут Сюй Хуэй, я двоюродный племянник Великого ученого Ляна. Передай это Тан Шэню, он сразу поймет.

— Учжи?

Сюй Хуэй поднял голову и увидел Тан Шэня.

Тан Шэнь позвал его:

— Проходи скорее, поговорим в доме.

Войдя в комнату, Сюй Хуэй с крайне серьезным видом хранил молчание, не решаясь начать разговор. Тан Шэнь понял его без слов:

— Брат Яо, подожди во дворе, пожалуйста. Это Сюй Учжи, племянник учителя. Должно быть, у господина Ляна есть ко мне какое-то дело.

Яо Сань послушно кивнул и вышел.

Тан Шэнь спросил:

— Что-то случилось с господином Ляном?

Сюй Хуэй покачал головой:

— Нет. Он все еще в управе Цзиньлин и вернется, пожалуй, лишь через несколько дней.

— Тогда в чем дело?

Сюй Хуэй немного помялся, а затем произнес:

— Он еще не вернулся, но возникло дело, которое не терпит отлагательств. Тан Шэнь, ты, должно быть, не знаешь, но дядя последние полгода то и дело ездил в управу Цзиньлин ради спасения старого друга. Тот томится в императорской темнице уже двадцать пять лет. Полгода назад дядя невесть откуда получил известие, будто этого человека хотят сжить со свету.

«Уж не о Великом ли ученом Чжуне, Чжун Вэе, идет речь?» — подумал Тан Шэнь.

Однако вслух он притворился неосведомленным:

— Кто же хочет навредить другу учителя?

— Я и сам не знаю. Но сегодня утром один человек прибыл из Шэнцзина в управу Гусу на похороны родственника. Он пробудет здесь всего два дня. Я не успею предупредить дядю, да и тот вряд ли смог бы что-то предпринять. — Сюй Хуэй сделал паузу и продолжил: — Тан Шэнь, буду с тобой откровенен: этот человек связан с нынешним императором. Всем известно, что Его Величество одержим поисками бессмертия и во всем потакает этому порочному даосу Ли Сяорэню. Мне удалось разузнать, что в управу Гусу вернулся один из мирских учеников Ли Сяорэня. Если мы хотим разузнать столичные новости и предугадать волю императора, лучшего источника нам не найти.

Тан Шэнь нахмурился:

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе вывести сведения?

Сюй Хуэй вздохнул:

— У меня просто нет другого выхода. Дядя живет очень скромно. Хотя он и занимает пост главы управы Гусу, его влияние и связи здесь, боюсь, уступают возможностям вашей семьи Тан. Поэтому мне больше не к кому обратиться. Я надеялся, что ты сможешь поговорить с Цзюйжэнем Таном и попросить его помочь.

Тан Шэнь на мгновение задумался:

— Дело срочное?

— Этот человек уезжает завтра вечером!

— Хорошо, идем со мной.

Тан Шэнь переоделся и вышел вместе с Сюй Хуэем на улицу. Сюй Хуэй полагал, что они направляются в Поместье Тан, однако Тан Шэнь и шедший с ними Яо Сань, сделав пару кругов по переулкам, привели его вовсе не туда, а остановились перед воротами просторной усадьбы.